

ВЕЛИКИЙ ПОЗОР УКРАИНСКОГО КИНО

Было это в 80-м, когда Мережко с Михалковым работали над "Родней". Однажды Михалков говорит: "В Киеве есть классный режиссер — Балаян. Напиши ему сценарий". Мережко удивился: для Киева, да еще для армянина? Студия Довженко ему столько сценариев зарубила! Наверное, полагаю, что, имея русскую маму Гончарову и украинского папу Мережко, он не должен был продаваться москалям. Виктору и сам Балаян не очень-то нравился. Он как-то слишком уж прямо держал шею и спину. Ну, не нравилось! Тем не менее Никита позвонил Балаяну, и тот приехал в Москву. Встречу назначили в Доме кино, в ресторане.

— О чем писать? — спросил Мережко Балаяна.
— Напиши обо мне, о таком, как я. Вот я в детстве хотел быть самым лучшим, самым талантливым, а получилось полное дермо... Мне часто снится сон, что я стою на высокой вершине горы и вдруг делаю шаг и лечу...

— Хорошее название, — усмехнулся Мережко. — "Полеты во сне и наяву".

На том и расстались. Заявку Виктор написал, ограничившись тремя предложениями, в полной уверенности, что студия Довженко ее отвергнет. Ему тут же прислали задаток — полторы тысячи рублей, — и он понял, что придется писать.

Было это весной. Мережко, по-прежнему увлеченный Михал-

ковым, вместе с ним и Адабашьяном работали над сценарием к фильму "Одинокий охотник", который потом Госкино запретило снимать Никите по идеологическим соображениям. Но вот прошла весна, прошло и лето, а в сценарии к "Полетам" не появилось даже первой фразы. И вспомнил Виктор Иванович тогда о своем старшем брате Володе, который жил в Черкассах и работал в конструкторском бюро. Виктор всегда поражался чудовищной затхлости существования этих людей. Они сплетничали, кто куда пошел, кто с кем спит, и знали друг о друге буквально все. Это их существование напоминало жизнь обитателей болота. Так называемая техническая интеллигенция была одним из самых несчастных явлений советского времени. Вроде бы человек и в школе хорошо учился, и вуз заканчивал, а становился рядовым исполнителем с зарплатой 120 рублей в месяц, без каких-либо перспектив.

Виктор собрался как-то в Черкасы навестить маму и брата. Он подрабатывал тогда на Одесской киностудии доработчиком чужих сценариев. Получив гонорар, отправился на вокзал покупать билет. И вдруг увидел потрясающей красоты цыганку. Он посмотрел на нее так страстно, что та сказала: "Давай погадаю". И половину денег у него "вытурила". Пришлось Вите добираться к маме на товарняках, в тележках... Этот эпизод вошел в фильм. Когда Виктор

вспомнил о нем, то подумал, что у героя должна быть несостоявшаяся любовь к матери, жене, любовнице... В общем-то он о Володе написал. И мама, когда прочла, ахнула: "Это же про Володю! Он же обидится". А Володя, наоборот, сказал: "Это же здорово, Витяка!" Многие тогда узнавали себя в герое Янковского. Целое поколение инфантильных мужчин — потерянное поколение. Сейчас таких, наверное, много среди бомжей и безработных. А тогда даже Янковский считал, что это фильм — о нем.

Балаяну сценарий не понравился: "Это не то, что я хотел..." Мережко возразил: "Но я же не могу писать про армянина, который стоит на горах и летает! Ну, отдай тогда сценарий, желающие снимать уже есть". "Нэт, нэт, — сказал Роман, — будем снимать, что дзлать — кушать надо". И студия Довженко, к несказанному удивлению сценариста, "Полеты" утвердила. Но опять начались проблемы между режиссером и сценаристом. Мережко главную роль писал, естественно, под Михалкова и даже уже договорился с Никитой, которому идея очень понравилась. Балаян же настоял на Янковском.

Когда Мережко позвонил Янковскому, тот и слышать ни о чем не хотел: "Кто такой Балаян? Да еще и студия Довженко!" В те времена слава у студии была не просто плохая, а прямо-таки пугающая. В общем, Олег Иванович отказался даже сценарий прочитать. Сослался на

Студия Довженко разделилась: одни восхищались картиной, другие кричали, что это позор украинского кино. Первый секретарь украинского ЦН Щербицкий разрешил вывезти картину в Госкино — пусть там решают. Зам. Ермаша Павленок после просмотра сказал: "Я этого не видел. Возвращайте украинцам, и пусть делают, что хотят". Студия решила пленки сжечь. И не видать бы нам картины, если бы не главный редактор студии Владимир Сосюра. Он добился приема у самого Ермаша: "Кино очень среднее, — вынес свою резолюцию министр кинематографии. — Кто такой Балаян, я не знаю. Для Мережко это — явная неудача. Давайте дадим картине третью категорию и маленький тираж".

то, что завтра уезжает в Таллин на съемки "Собаки Баскервилей" и ему некогда. Мережко все-таки забросил сценарий ему в "Ленком", на вахту. Олег Иванович сценарий все же прочел. И дальше события разворачивались следующим образом.

Входит Янковский утром в купе и видит Михалкова, который тоже едет сниматься в "Собаке Баскервилей".

— Ты не представляешь, Никита, какой Витяка сценарий написал!

Далее следует любопытный взгляд Михалкова...

— А зачем он тебе его дал? Когда Михалков вернулся с гастролей, он сразу устроил первый просмотр "Родни" на "Мосфильме". В зале — убийство. Мест всего 100, но Михалков, как водится, пригласил человек

300. Мережко сидит рядом с режиссером и "держит" последнее свободное место. Входит Янковский и сразу же восклицает:

— Виктор, ты гений! Я готов сниматься. Пусть это будет хоть "Узбекфильм"!

— Тихо ты, — шепчет Мережко, он ведь еще Михалкову не признался, — не-о-ри!

Михалков поворачивается и спокойно так говорит:

— А чего ты, Вить, я все знаю.

Бедный Мережко! Он готов был провалиться под землю от стыда. Красный, как вареный рак, сидел он между Янковским и Михалковым. Но что он, подневольный сценарист, мог поделать? Такова была воля режиссера. И, как оказалось, прав-то ведь был именно он — Роман Балаян.

Герой картины — итог нескольких поколений. Не случиться он не мог — это как неминуемая катастрофа или землетрясение.

Роман БАЛАЯН.

В свое время это был, конечно, культовый фильм. Он выражал суть поколения. То сильное впечатление, которое он произвел буквально на всех, повлияло на будущий ход всего кинематографа. Невероятное скопление талантов. Новый режиссер. По тому времени лучшая сценарная работа Виктора Мережко и, по-моему, один из его лучших сценариев. Игнали первоклассно все — не только Янковский. Очень яркий был фильм. Он очень сильно всех тогда прошиб. Он был сделан не просто на уровне, а выше уровня. Фильм выражал время неопределенных романтических надежд. Как будто что-то будет, но очень-очень нескоро. "Полеты во сне и наяву" означали, что наши мечты спрятаны внутри нашей жизни. Наяву мы летали низко, а во сне — высоко.

Александр МИТА.